

Максим Мартыновский

специалист по коммуникациям, студент магистерской программы ЕГУ «Публичная политика». Сфера исследовательских интересов: политика памяти, метаполитика, национализм, постколониализм.

Политика памяти как средство легитимации власти в Беларуси 2020–2022

Максим Мартыновский

Politics of Memory as a Means of Legitimizing Power in Belarus 2020–2022

The article by EHU MA student Maxim Martynouski is devoted to attempts to instrumentalize the historical memory of the Great Patriotic War (part of World War II) in Belarus in course of political struggle following the unsuccessful presidential elections in 2020. The article examines arguments of the parties, as well as specifics of the new historical legislation adopted with the aim of intensifying repressions against political opponents of A. Lukashenko's regime. Conclusions are drawn about the danger and inadmissibility of history's instrumentalization.

Тема идентичности, устойчивой идентификации индивидов с социальной группой неразрывно связана с понятиями «народ», «нация», «историческая память». Для нации характерны не только принадлежность к государству, но и общие культурные коды, история и память – осознание себя частью одного сообщества. Как отмечает социолог Алексей Ластовский, одной из наиболее важных проблем в социокультурной трансформации постсоветских стран стала разработка их отношения к советскому прошлому. Декоммунизация культурного ландшафта в бывших советских республиках началась вместе с процессом демократических преобразований, став ее символическим ядром [1]. Новый национальный канон Центрально-Восточной Европы был близок к националистическому нарративу межвоенного периода, по отношению к советскому наследию многие страны избрали путь отвержения и/или музеефикации. В отличие от большинства соседей, Беларусь пошла по пути позитивной идентификации. Значимую роль в официальном историческом нарративе играет Советский Союз, в привязке к которому существуют

основные исторические мифы. Позитивный опыт БССР лег в основу официальной исторической памяти и легитимации Республики Беларусь. С течением времени режим Лукашенко обретал свои формы вне коммунистических и социалистических идеалов. Апелляции к БССР значительно сократились, а в начале 2000-х годов была предпринята попытка сформулировать «идеологию белорусской государственности».

В области символической одну из ключевых ролей продолжил занимать комплекс мифов о победе в Великой Отечественной войне, легший в основу идеологии современной белорусской государственности. Примечательно, что в Беларуси вместо российского «Бессмертного полка» проводится акция «Беларусь помнит!», а вместо георгиевских лент используются бутоньерки с цветком яблони и лентой в цветах государственного флага. В 2020 году, несмотря на пандемию COVID-19, власти Беларуси решили не отменять военный парад 9 мая. Журналист Александр Класковский назвал это решение «своеобразным реваншем в соперничестве за наследие Победы между Минском и Москвой» [2].

В данной статье будет рассмотрено, как именно политика памяти используется для легитимации авторитарного белорусского режима, а также будут проанализированы возможные последствия политической инструментализации памяти.

Историческая политика или политизация истории?

История – инструмент строительства национальных государств. Французский историк Пьер Нора назвал наше время эпохой всемирного торжества памяти и «демократизации» истории, выраженной в изменении отношения к прошлому: критике официальных версий истории, культе корней, развитии

мемориальных мероприятий, юридическом сведении счетов с прошлым [3]. Воля к разрыву с нацистским прошлым ярко выражена в Германии, с коммунистическим периодом – в Украине и Прибалтике. В США волна движения Black Lives Matter является примером радикальной переоценки истории. Демократизация истории, включение разных социальных групп в дискуссии о прошлом, лишило национальные государства монополии на интерпретацию исторических событий.

В 2019 году Петр Рудковский, директор Белорусского института стратегических исследований (BISS), отмечал рост общественных настроений в Европе, направленных на усиление национальной идентичности. В Беларуси же, по мнению эксперта, усиливался советский консерватизм как форма наднациональной идентичности [4]. Беларусь остается единственной постсоветской страной, вернувшей символику советских времен и празднующей День Октябрьской революции. Большая часть центральных улиц, проспектов и площадей носят имена коммунистических деятелей и событий советской истории. Роль Советского Союза в становлении белорусской государственности, социальной эмансипации белорусов и экономическом расцвете постоянно подчеркивается в официальном дискурсе.

Историк культуры Раса Чепайтене рассматривает парадоксальный тип ностальгии бывших стран соцлагеря по прошлому как тоску по утраченному дому, своеобразному золотому веку, что также является формой социокультурной разновидности «стокгольмского синдрома» [5]. В случае Беларуси приходится говорить не об эмансипации истории, а о реставрационном типе ностальгии. Режим интенсивно использует прошлое для своей легитимации: будущее представляется как реставрация прошлого и преемственность с минувшей эпохой. На совещании по вопросам исторической политики в январе 2022 года Александр Лукашенко назвал одним из

Минск. Кадры из
фильма Сергея Лозницы
«Смерть Сталина» (2019)

важнейших направлений обеспечения национальной безопасности страны работу по систематизированию исторических исследований и патриотическому воспитанию [6]. Если прошлое утратило единый смысл, то государственный аппарат должен придать национальной памяти «нужную форму».

Алексей Ластовский еще в 2011 году писал, что историческая память о победе во Второй мировой войне является наиболее устойчивым комплексом в официальном историческом нарративе: «В современной Беларуси память о войне наполнена иными смыслами, где концентрация риторики на роли белорусского народа в победе над фашизмом способствует укреплению государственного проекта национальной идентичности» [7]. Тенденция сохранилась спустя десятилетие. На тему истории Великого княжества Литовского Лукашенко говорит, что современные литовцы приватизировали наследие этого государственного образования, обвиняет поляков и литовцев в отрицании вклада белорусского народа в ВКЛ и Речь Посполитую. Следом за Лукашенко глава Администрации президента Игорь Сергеенко заявляет, что в учебники по истории для школьников и студентов будут вноситься некоторые корректировки [8]. Символично, что 2022 год объявлен в Беларуси «Годом исторической памяти». Исходя из заявлений официальных лиц, можно утверждать, что государственная политика будет направлена на утверждение определенных интерпретаций исторических событий как доминирующих.

Криминализация памяти и разыгрывание нацистской карты

Мемориальные законы являются инструментом для цементирование и защиты базовых ценностей и национальных исторических мифов, лежащих в основе государственности. Белорусский историк Ольга Матусевич харак-

теризует мемориальное законодательство как нормативно-правовые акты, направленные на криминализацию ревизионистских нарративов или отрицание исторических событий [9].

Хотя большинство мемориальных законов являются декларативными, уголовное наказание за публичное выражение мнений, отличающихся от официальных, имеет место в ряде стран. Использование уголовного права для регулирования исторической памяти подвергается широкой критике, т. к. нормативно-правовое регулирование в данной сфере приводит к политической инструментализации памяти, установлению цензуры и ограничению исследований.

При изучении и сравнении мемориальных законодательств важно учитывать региональную специфику. По мнению российского историка Ивана Куриллы, «западноевропейские мемориальные законы направлены на то, чтобы не забыть, что государство может быть преступным» [10], т. е. это законы, направленные на сохранение памяти угнетенных групп и памяти о преступлениях государства. Существование в демократическом обществе нескольких противоречащих друг другу коммеморативных систем неизбежно. В нашем же регионе законы защищают память государств и служат лишь интересам действующего политического режима. Криминализация прошлого – тенденция, которая наблюдается в современной Беларуси, где власть с помощью мемориального законодательства пытается использовать коллективную память для своей легитимации.

Говоря о посыле многих публикаций о войне, Матусевич отмечает однобокий «героическо-мартирологический» образ национального прошлого. История Великой Отечественной – наиболее важная и контролируемая область исторического нарратива, которая выполняет социализирующую роль и, будучи травматическим опытом всей нации, объединяет белорусов. В попытке дискредитировать своих политических и идеологи-

ческих оппонентов, белорусская государственная пропаганда постоянно прибегает к логической уловке *reductio ad nazium* (сведение к нацистам).

С 2020 года пропагандой активно употребляется терминология Второй мировой для интерпретации современных событий. Описание оппонентов режима Лукашенко сопровождается эпитетами «нацисты», «полицаи», «коллаборанты». Отметим, что во время протестов 2020 года спекуляции историческим нарративом осуществлялись обеими сторонами конфликта: в отношении МВД были введены ярлыки «каратели», «фашисты», а режим нередко называли «оккупационным». Конструировался образ новой партизанской борьбы, а одна из акций протеста в ноябре 2020 года даже имела название «Марш против фашизма».

14 мая 2021 года Александр Лукашенко подписал закон «О недопущении реабилитации нацизма». В статью 130 УК была введена уголовная ответственность за «реабилитацию нацизма». «Основные принципы недопущения реабилитации нацизма дополнены принципом сохранения исторической памяти и недопущения фальсификации истории, в том числе искажения исторических фактов», – сообщает БЕЛТА [11]. Показательно также, что общественность как субъект в сфере мониторинга и профилактики нацизма в новом законе была исключена. Основным органом в сфере борьбы с нацизмом назначено Министерство внутренних дел, которое должно направлять и координировать деятельность КГБ и Следственного комитета в этом направлении.

Юрист Юрий Чаусов считает принятие такого закона попыткой политического обоснования репрессий в Беларуси. Пропаганда использует понятие «нацизм» не как юридическую или идеологическую категорию, но как политическое имя нарицательное, которое обосновывает репрессивные практики против оппозиции. Назвав оппонента наци-

стом, власть может использовать против него «меры, которые обычно недопустимы для ограничения прав и свобод, но допускаются в противовес нацизму в силу общепризнанной всеобщей и крайней опасности этой идеологии и практики» [12].

Важнейшее юридическое изменение – расширение содержания уже имевшегося в законодательстве термина «нацистская символика и атрибутика», распространяемого на символику и атрибутику организаций, сотрудничавших с организациями, признаваемыми нацистскими. Такая формулировка позволит в будущем запретить белорусские национальные символы, что подчеркивает внутривнутриполитические причины изменений в законодательстве.

Белорусская власть, таким образом, выстраивает законодательную базу для политизированной и односторонней трактовки исторических событий, подкрепляющей официальный дискурс. Новые законы имеют не только идеологический характер, они – дамоклов меч над любой попыткой поставить под сомнение монополию государства на политику памяти, «демократизировать» историю и выстроить разностороннюю дискуссию.

Манипулятивные интерпретации истории и спор о геноциде

В «Год исторической памяти» власть продолжает начатое весной 2021 года расследование уголовного дела по фактам геноцида белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. На фоне обострения отношений между официальным Минском и Западом, реальные политические причины артикулируются властью открыто: «попытка государственного переворота в 2020 году» была организована политическими элитами тех государств, «откуда к нам в XX веке пришел фашизм». По мнению Генпрокуратуры, в 2020 году Беларусь столкнулась с проявлениями экстремиз-

ма и терроризма под нацистской символикой, а закон направлен на предотвращение зарождения новых форм геноцида [13].

«Хотели отказаться от русского языка – нашего языка, присягнуть экстремистским символам, организовать массовый снос памятников», – говорит Лукашенко о «разгуле национализма».

Уголовный кодекс дополнили статьей «Отрицание геноцида белорусского народа», по которой грозит срок до 5, а в некоторых случаях до 10 лет. Геноцид трактуется как «плановое физическое уничтожение белорусского народа», под которым подразумеваются все советские граждане, проживавшие в то время на территории БССР. Генпрокуратура даже подсчитала материальный ущерб, причиненный Беларуси действиями Германии, составивший не менее 500 млрд долларов с учетом инфляции.

Беларусский режим прекрасно освоил новый для себя инструментарий и культуру виктимности. К «новым формам геноцида» Генпрокуратура отнесла «формирование списков госслужащих» во время протестов 2020 года [13]. Имеются в виду вариации «черных книг» со списками силовиков и иных лиц, причастных к фальсификации выборов и жестокому подавлению мирных протестов. К аналогичным манипуляциям прибегали и сторонники перемен. Светлана Тихановская обвиняла режим Лукашенко в геноциде: «Происходит геноцид белорусов. На это нужна четкая реакция» [14]. Обращаясь к силовикам, Тихановская не раз говорила, что их руками творится геноцид.

Понятие «геноцид», принятое в 1949 году ООН, трактуется как сознательные и запланированные действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, религиозной, расовой или этнической группы. Раса Чепайтене в книге *КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ* выделяет сле-

дующие подтипы геноцида, более узкие и конкретизирующие: политцид или стратоцид; автогеноцид; этноцид [5]. Согласно решению конференции ЮНЕСКО по этноциду и этническому развитию в Латинской Америке (Сан-Хосе, 1981) этноцид означает, что этнической группе отказано в праве пользоваться, развивать и передавать свою культуру и свой язык, коллективно или индивидуально [15].

Французский философ Ален де Бенуа понимает расизм как идеологию и действия, направленные на упразднение этнических культур в условиях происходящей глобализации [16]. Этноцид, будучи проявлением расизма, лишает этнокультурные общности их «права на инаковость». Рассматривая этноцид как форму уничтожения национальной культуры, следует поставить острый вопрос: можно ли считать национальную политику Лукашенко этноцидом?

Из многочисленных заявлений официальных лиц видно, что белорусский режим будет использовать тему «геноцида» с целью преследования диссидентов. В конце февраля 2022 года генеральный прокурор Беларуси Андрей Швед сообщил о ходе расследования уголовного дела по факту геноцида народа Беларуси. С его слов, «подготовлены первые справочно-аналитические материалы о геноциде и связи фашизма, нацизма с событиями и идеологией тех, кто в августе 2020 года попытался уничтожить нашу страну» [17].

Отдельно обозначена идеологическая и воспитательная работа по данной теме в сфере образования. Работой над учебником по дисциплине «История белорусской государственности» руководит одиозный историк Игорь Марзалюк, также связывающий бчб-символику с пособниками нацистов и темой геноцида. Идеологизация образования – свойство, присущее тоталитарным режимам, что также является тревожным звонком для белорусского социума.

Киев в июле 1941 года.
Кадры из фильма
Сергея Лозницы «Бабий
Яр. Контекст» (2021)

Заклучение

Недемократичность официального исторического нарратива, политизация истории исключают возможность широкой научной дискуссии по историческим вопросам. Выход за рамки этого нарратива грозит применением репрессивных инструментов в виде законов об экстремизме и реабилитации нацизма. Охват аудитории, степень публичности, канал коммуникации, форма, намерение и эффект сообщений никак не влияют на политические дела, связанные с «экстремизмом». Государство пытается монополизировать политику памяти, оставляя в легальном поле единственную одностороннюю трактовку исторических событий. Побочным результатом манипулятивного использования травматических событий прошлого является обесценивание памяти о Великой Отечественной войне.

В белорусском обществе нет острого внутреннего конфликта по поводу исторических нарративов, как нет и консенсуса. Официальному нарративу присущи одномерность, позитивная идентификация с прошлым, гипертрофированное значение Победы, конструирование мифологических, идеологически искаженных интерпретаций прошлого. Одной из альтернатив ему является национальный нарратив, который культивирует чувство гордости за прошлое и имеет высокий консолидирующий потенциал. Значительным минусом национального (националистического) нарратива являются конфликты атрибуции принадлежности героев и прав на наследие прошлого (например, Великого Княжества Литовского). Националистический взгляд на прошлое зачастую обращается к постколониальному инструментарию. Самопрезентация себя как жертвы в эпоху СССР – это попытка снять с себя ответственность за вклад в создание советской исторической общности и империи [18].

Наиболее актуальной интерпретацией исторического наследия, не избегающей проблем истолкования спорной и травматической памяти, может служить национал-демократический нарратив. Философ Игорь Бобков описывает пограничье как одну из парадигм интерпретации социально-культурной ситуации Беларуси [19]. Агонизм вместо антагонизма, присутствие конкурирующих акторов памяти, открытость позволяют рассмотреть противоречивость культурно-социального пограничья с разных сторон. Вместо слепой героизации советского прошлого, белорусскому обществу следует разграничить настоящее и ушедшее советское, отказаться от реставрационного типа ностальгии в пользу рефлексивного. Стратегия «признания правды» позволит интегрировать советское прошлое в историческую политику Беларуси со всеми его преступлениями и достижениями. Инструментализация исторической памяти авторитарным режимом, индоктринация в учебных заведениях, репрессивные мемориальные законы – это опыт, повторения которого нельзя допустить в будущем.

Использованная литература

- [1] Ластоўскі, А. Постсавецкі культурны ландшафт у Беларусі: стратэгіі працы // Камуністычная спадчына ў Беларусі і краінах ЕС: праблематыка інтэрпрэтацыі і актуальнасць захавання. The Wilfried Martens Centre for European Studies, 2021. С. 130–145.
- [2] Мельничук, Т. Назло Путину. Почему Беларусь не отменила парад Победы, несмотря на пандемию // <https://www.bbc.com/russian/news-52586321> (08.05.2020).
- [3] Нора, П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас, № 2, 2005, <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html> (18.10.2021)..
- [4] Рудкоўскі, П. Нацыяналізм вяртаецца ў Еўропу. А ў Беларусь – рускі мір і савецкі кансерватызм // <https://gazeta.arche.by/article/146.html> (01.09.2019).
- [5] Чепайтене, Р. Культурное наследие в глобальном мире. Вильнюс: ЕГУ, 2010. 296 с.
- [6] Совещание по вопросам реализации исторической политики // <https://president.gov.by/ru/events/soveshchanie-po-voprosam-realizacii-istoricheskoy-politiki> (06.01.2022).
- [7] Ластоўскі, А. Кароткая генеалогія: гістарычнае мінулае ў публічных прамовах беларускіх афіцыйных асобаў // Палітычная сфера. № 18–19 (1–2). 2012. С. 137–155.
- [8] Внесение корректив в учебные программы по истории обсуждали на совещании у Лукашенко // <https://www.belta.by/society/view/vnesenie-korrektiv-v-uchebnye-programmy-po-istorii-obsuzhdali-na-soveshchanii-u-lukashenko-478328-2022> (06.01.2022).
- [9] Матусевич, О. Мемориальное законодательство: генезис и противоречия // Труды БГТУ. История, философия, филология. № 5. 2014. С. 116–118.
- [10] Битва за прошлое: как политика меняет историю. Разговор с Иваном Куриллой // <https://www.youtube.com/watch?v=XSvvZ1zNuw0> (22.06.2022).
- [11] Депутаты приняли во втором чтении законопроект о недопущении реабилитации нацизма // <https://www.belta.by/society/view/deputaty-prinjali-vo-vtorom-chtenii-zakonoproekt-o-nedopuschenii-reabilitatsii-natsizma-437493-2021> (16.04.2021).
- [12] «Было б памылкай лічыць яго выключна абстрактным». Што змяняе закон аб недапушчальнасці рэабілітацыі нацызму? // <https://baj.by/be/analytics/bylo-b-pamytkay-lichyc-yago-vyklyuchna-abstraktnym-shto-zmyanyaе-zakon-ab> (18.05.2021).
- [13] Генпрокуратура: важно противодействовать зарождению новых форм геноцида // <https://www.belta.by/society/view/genprokuratura-vazhno-protivodejstvovat-zarozhdeniju-novyh-form-genotsida-481536-2022> (27.01.2022).
- [14] Гункель, Е. Минск возбудил уголовное дело о геноциде белорусов во время войны // <https://www.dw.com/ru/minsk-vozbudil-delo-o-genocide-belorusov-vo-vremja-vojny/a-57144257> (09.04.2021).
- [15] UNESCO and the struggle against ethnocide: declaration of San José, December 1981 // unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000049951 (22.06.2022).
- [16] Де Бенуа, А. Что такое расизм? // <https://velesova-sloboda.info/antrop/benua-что-такое-rasizm.html> (22.06.2021).
- [17] Швед подготовил материалы о связи августа 2020 года с геноцидом // <https://reform.by/298169-shved-podgotovil-materialy-o-svjazi-avgusta-2020-goda-s-genocidom> (21.02.2022).
- [18] Сергей Екельчик: «Если «колониальный», значит, мы не отвечали за наше прошлое» // <https://fly-uni.org/stati/iskus-postkolonializma> (29.10.2016).
- [19] Бобков, И. Этика пограничья: Транскультурность как белорусский опыт // Журнал исследований восточноевропейского пограничья «Перекрестки». № 3–4. 2005. С. 127–137.